

*Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы:*

*нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.
А. С. Пушкин*

*Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
М. Ю. Лермонтов*

Ну и молодежь пошла... Куда?

К

огда мы в повседневной жизни вспоминаем о молодежи?.. Ответ на этот риторический вопрос очевиден: когда молодежь наступает нам на пятки в буквальном и переносном смысле этого слова. Тогда мы оглядываемся и восклицаем: «Ну и молодежь пошла!».

Эта фраза, нередко отражающая традиционный стиль взаимоотношений между поколениями, живет

не только годы, но и тысячелетия. Для того чтобы не осталось и тени сомнений в древности подобной диагностики межпоколенческих отношений, приведу, вслед за замечательным педагогом Анатолием Мудриком, несколько впечатляющих откровений, на которых осела пыль веков.

«Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие».

«Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не далек».

«Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен. Молодые поколения сегодняшнего дня не сумеют сохранить культуру».

Автор первого откровения – Сократ (470-399 лет до н. э.). Второе откровение – от египетского жреца (2000 лет до н. э.). Третье откровение начертано на глиняном горшке, найденном среди развалин Вавилона (3000 лет тому назад).

Как видите, мы с вами не столь уж оригинальны. Новые времена приносят новые названия молодежи, в стиле «Поколение, которое выбирает Пепси», «Поколение Next», или же (о выпускниках, севших за парты школ в бурные 90-е годы конца XX века) «Поколение О» и т. п. Названия меняются, а диагноз остается. Словно стремясь подтвердить этот диагноз о злокозненности молодежи, СМИ выпускают мильные оперы вроде телесериала «Школа», «радующего глаз» садистско-мазохистскими сценами школьной жизни. Вот тогда барометр общественного негодования достигает предела и истеричный возглас «Ну и молодежь пошла!» становится подобен землетрясению, разрушающему устои общества.

Отвечу на эти стенания, что нечего на зеркало, то бишь молодежь, пенять, когда (как бы это поинтеллигентнее выразиться) и государство, и общество, и мы с вами, не столь изящно выглядим в зеркале XXI века.

Здравый смысл не всегда является надежным попутчиком при попытке понять эволюционный смысл того или иного социально-исторического феномена и его места в развитии социальных систем. Сказанное полностью относится и к феномену молодежи, и к страдающим исторической слепотой социальным программам, в том числе программам развития образования, обладающим сакральным знанием, куда идти молодежи и как эту молодежь развивать по образу и подобию своему.

Эти программы конструируют путь развития молодежи по шаблону «социального уподобления». И, как правило, пренебрегая комплексом наук об эволюции человека в обществе, оказываются в плену различных установок обыденного сознания. В результате различные прогнозы и проекты молодежной политики сталкиваются с серьезными рисками.

Первый из этих рисков – банальная недооценка социального, культурного и психологического разнообразия молодежи как особой социально-возрастной субкультуры. Этот риск проявляется, перефразируя название книги Герберта Маркузе «Одномерный человек», во взрослоцентристской установке на «одномерную молодежь». Отсюда восклицание «Ну и молодежь пошла!» явно или неявно переносится на всю молодежь как некоторую диффузную безликую группу, противостоящую предшествующему взрослому поколению.

Второй риск, непосредственно связанный с установкой на «одномерную молодежь», – это риск социального восприятия молодежи исключительно как пассивного объекта идеологических манипуляций с присущей этому восприятию схемой взаимоотношений «поводыри – ведомые» с прагматической оценкой молодежи как экономического и политического ресурса государственного строительства. Впечатляющими социальными проектами, вытекающими из подобного восприятия и оценки молодежной субкультуры, являются различные «великие стройки», такие как «Це-

лина», «Байкало-Амурская магистраль» (БАМ) и не успевший состояться проект «поворота северных рек».

Третий риск состоит в том, что как только поведение молодежи выходит за рамки схемы «поводыри – ведомые», оно в ряде социологических концепций рационализируется и «молодежная субкультура» начинает обозначаться как «контркультура» или «антикультура». Напомню, что подобные социальные проекции не только описывают, но и в значительной степени конструируют реальность. Когда мы наделяем молодежь атрибутами «антикультуры» или «контркультуры», мы сами провоцируем рост неформальных молодежных движений асоциальной деструктивной направленности. Следует особо подчеркнуть, что нередко встречающиеся характеристики молодежной субкультуры как «антикультуры», «контркультуры» или же причисление чуть ли не всей социально-возрастной категории «молодежь» к «группе социального риска» может привести к таким, например, политическим последствиям, как молодежная революция 1968 года во Франции.

Для того чтобы уменьшить влияние описанных выше рисков при разработке программ молодежной и неразрывно связанной с ней образовательной политики, представляется необходимым учесть ряд следующих моментов, касающихся взглядов на историко-эволюционный смысл молодежной субкультуры в цивилизационной динамике.

В различные периоды человечества, особенно в новое и новейшее время, молодежная и подростковая субкультуры выступают как носители поискового социального и индивидуального поведения, направленного на расширение возможностей развития социальных систем, наращивание диапазона изменчивости и вариативности этих систем. Их эволюционный смысл, как точно отмечает один из классиков ментальных наук Карл Юнг, состоит в переборе необщих путей развития, а не путей антикультуры или контркультуры.

Как только поведение молодежи выходит за рамки схемы «поводыри – ведомые», оно в ряде социологических концепций рационализируется, и «молодежная субкультура» начинает обозначаться как «контркультура» или «антикультура».

Для понимания природы молодежной субкультуры уместно напомнить меткое название книги известного методолога Оксфордского университета Рома Харре «Правила беспорядка». В этой книге на материале обширных социологических и психологических исследований о поведении молодежи автор доказывает, что молодежная субкультура – это культура иных порядков, иных вариантов, иных путей развития, а не антикультура или контркультура. Подобный пласт поведения молодежной субкультуры поверхностно может расцениваться взрослым сообществом как возмущающее поведение, наделяемое атрибутами контркультуры или антикультуры. Отсюда и рождается идущий через века диагноз «молодежной субкультуры», передаваемый восклицанием «Ну и молодежь пошла!».

Молодежную субкультуру можно приучить к нормам и традициям предшествующей культуры, но весьма опасно пытаться ее приручить к этим нормам и идеалам. В истории развития цивилизации вообще весьма рискованно путать приручение поколения с приучением поколения. Когда мы повторяем вслед за М. Ю. Лермонтовым «Да, были люди в наше время», мы говорим о людях культуры достоинства, культурных героях, с которыми может идентифицироваться имеющее необщие пути развития новое поколение молодежи. Но идентификация с культурными героями – это диалог между разными поколениями, а не дрессура, диктующая обязательную любовь к канонам.

Об этом точно повествует Марина Цветаева в книге «Мой Пушкин», предостерегая от превращения Александра Сергеевича Пушкина в памятник: «Пушкинскую руку жму, а не лизу».

Ключевой характеристикой современной социальной ситуации развития подрастающих поколений является ценностно-нормативная неопределенность. В этой ситуации особенно рельефно проявляется принципиальная невозможность проектирования образования, скованного традиционной схемой «поводыри – ведомые». Подобная схема,

о чем пророчески писала классик культурной антропологии Маргарит Мид, может лишь углубить пропасть между поколениями: «Еще совсем недавно старшие могли говорить: «Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым». Но сегодня молодые могут ответить: «Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь...». Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, которого никогда не было и не будет у старших.

Именно поэтому по-иному должны строиться и школьное образование, и профессиональное образование, и, особенно, педагогическое образование, в котором учитель выступит как переговорщик и транслятор смыслов между разными поколениями.

Мы ищем пути сотрудничества, диалога, кооперации с молодежью, живущей в мире социальных сетей, молодежью, которая все чаще без оглядки на нас наращивает свой социальный капитал в информационном сетевом сообществе. В этих исканиях мы в который раз убеждаемся, что стоит только навести своего рода исторический телескоп на инновацию, как за ней во весь рост проступит традиция.

Так и за нашими проектами российских силиконовых долин, бизнес-инкубаторов для взращивания инновационного поведения молодежи проступает, например, государственный проект Царскосельского лицея. По гамбургскому счету, Царскосельский лицей был своеобразным культурным инкубатором, или, говоря на педагогическом новоязе, развивающей образовательной средой, в которой пестовалась мотивация служения Отечеству, находящаяся в непростых отношениях с мотивацией любви к свободе.

Куда бы сама ни пошла молодежь, какие бы необщие иные пути развития ни принесла нам информационная социализация XXI века, в какие бы силиконовые долины инновации ни забросила нашу молодежь судьба, хочется верить и надеяться, что для новых поколений молодежи целый мир будет восприниматься как Царское Село, а не как чужбина.

Мы ищем пути сотрудничества, диалога, кооперации с молодежью, живущей в мире социальных сетей, молодежью, которая все чаще без оглядки на нас наращивает свой социальный капитал в информационном сетевом сообществе.